

Центр "Петербургское Востоковедение"
St. Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST. PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

Роль танцев и обрядовых игрищ *утагаки* для полового подбора и заключения браков¹

...Важная роль танца для полового подбора часто находит свое выражение даже в человеческом языке... Я лично думаю, что и японское слово *ма(ф)у* «танцевать» (общего корня с *мавару* «вращаться» и *мавасу* «вращать», применяемыми ныне к плавным танцам в классическом стиле) первоначально было лишь иной разновидностью (м[ожет] б[ыть], диалектной) глагола *маку* (также *магу*)², обозначающего половой акт.

Еще более интересно слово *одори* (старинное *wodori* или *wotori*), служащее теперь для обозначения пляски или танцев вообще. Оно, несомненно, этимологизируется как *шо* «самец» + *тори* пом. deverb. от *тору* «брать» и имеет первичное значение «заполучение самца». Тем же словом обозначались «ловля птиц на самку» и «прости-туированье» (?). См. словарь «Вакун-но Сифи» под словом *вотори*.

Вне всякого сомнения, что слово *одори* конструировано совершенно аналогично слову *МЭТОРИ* (букв.: «захват самки» — из *мэ* «самка» + *тори* «захват», «заполучение»), которое с глубокой древности и до сего времени употребляется в смысле «женитьбы» (infinitiv *мэтору* «жениться»).

Мужчина, для того чтобы «взять жену» (*мэ-тору*), обладает физической силой, которую он может в случае надобности пустить в ход, пережитком чего является обычай умыкания невесты женихом или его друзьями, до сих пор наблюдаемый по морскому побережью провинции Тоса, в горных деревнях северной части провинции Идзу, в уезде Цуна провинции Авадзи (Фүдзоку гахō, № 75; Кёдо кэнкю, т. 1, с. 510) и даже в окрестностях г. Осака (Кёдо кэнкю, т. 1, с. 624).

В противоположность этому у слабого пола, чтобы «взять мужа» (*во-тору*), не было другого оружия кроме природной красоты и изящества форм, которые являлись приманкою для самцов. Лучшим же средством обнаружить перед зрителями свою телесную красоту, несомненно, были танцы, какими они остаются и до сего дня... (мое...

¹ Эта работа Н. А. Невского, по-видимому, представляющая собой набросок статьи, публикуется по материалам архива библиотеки Тэнри, где хранится в виде машинописи (с. 3–17). Копию для данной публикации выполнила от руки Н. С. Шефтелевич. При переписке Н. С. Шефтелевич выпустила фрагменты рукописи, содержащие типологически сходные материалы, касающиеся аналогичных обрядов у славянских народов, а также цитаты из работ западных ученых, трактующих близкий этнографический материал. Поскольку статья Н. А. Невского при этом не утратила связности и логичности построения, мы считаем возможным опубликовать ее по этому неполному списку, дающему представление о взглядах ученого на обрядовый танец применительно к становлению особенностей японской культуры.

² Если родство слов *мифу* и *мавару* представляется вполне возможным, то этого нельзя сказать относительно сближения *мифу* и *маку/магу*. По свидетельству С. А. Старостина, такого рода консонантные преобразования не характерны для японского языка ни на одном из этапов его истории.

о «танце обмена» у сибирских приморских чукчей см.: Богораз — W. Bogoras. The Chukchee...)

Подобно этим танцам чукчей, где исполнение принадлежит собственно женщине, по-видимому, и японские *одори* в старину были исключительно женскими танцами, хотя в настоящее время, как уже отмечено выше, это слово употребляется для обозначения танцев в широком смысле слова.

Впрочем, помимо «исключительно» женских танцев в Японии уже в древности существовали групповые танцы обоих полов, имевшие место в определенные времена года преимущественно в горах, хотя возможно, что и здесь главную роль играла женщина. Такие «хороводы», результатом которых был общий *actus copulationis*, носили название *утагаки*, а в восточных провинциях — *кага(х)и*, (проблем., древн. *кагани*).

В одном из фрагментов памятника VIII в. Сэтцу Кокуфудоки упоминается, например, гора Утагаки в уезде Вотомо провинции Сэтцу, которая потому-де так называлась, что на ее вершине в старину собирались мужчины и женщины и водили «хороводы» (Сёку-Нихонги, XIII в., в серии Кокуси Тайкэй. Токио, 1898, т. 8, с. 680; Курита Хироси. Кофудоки Ицумон Когё. Токио, 1903, т. 1, с. 65—69).

Для передачи слова *утагаки* на русский язык я прибегаю к слову «хоровод» исходя из того соображения, что групповое пение с танцами у многих народов выливается в данную форму, когда все участвующие становятся кругом. Таковы же и современные японские танцы *бон-одори*, когда все танцоры образуют один или несколько хороводов. Это соображение помогает весьма легко этимологизировать слово *утагаки* (несмотря на всевозможные теории, предлагаемые туземными исследователями) просто исходя из обычного иероглифического начертания: *ута* «песня» + *каки* «забор». Хоровод и есть не что иное, как забор из людей, распевających песни и танцующих. В японских провинциях Бидзэн, Биттю и Бинго до сих пор петь и плясать массою народу называется *каки во насу* «образовать забор» (*Ида Такэсато*. Нихонсёки Цусёку. Изд. 2-е. Токио, 1909, т. 4, с. 2536).

В диалектах восточной Японии распевание песен вообще называлось *кага(х)и*, откуда и подобные хороводы получили там то же название (Манъёсю, 9-я кн.). Наиболее известным местом для таких хороводов была гора Цукуба пров. Хитати.

Памятник первой половины VIII в., Хитати Фудоки¹, так описывает данную гору: «Гора Тукуба² высоко вздымается за облака. Западный пик ее вершины — очень крутой, его называют "Богом-Самцом" и не разрешают взбираться, а восточный пик — сплошные скалы, подъем и спуск весьма опасны. Сбоку от него течет источник,

¹ См. в рус. пер.: Древние фудоки / Пер., предисл. и коммент. К. А. Попова. М., 1969.

² В переводе Н. А. Невский называет гору Цукуба, о которой он рассказывал выше, горой Тукуба в соответствии с древним произношением, принятым до IX в. То же — применительно к лужайке Мобаки, которая позже именовалась Мобаки или Моваки.

который и зимой и летом не пропадает. Мужчины и женщины разных провинций, что на восток от склона, весной, когда распускаются цветы, и осенью, в период пожелтения листьев, приглашают друг друга и вереницами, захвативши с собой еды и напитков, кто верхом, кто пешком поднимаются на гору, веселятся и некоторое время живут там...»

Как мужчинам, так и женщинам во время таких «хороводов» предоставлялась полная свобода выбора пары по душе. Один старинный поэт, принимавший участие в таком *кага(х)и*, так воспеваает эти собрания:

*На гору Тукуба,
Где орлы обитают,
На верх той лужайки —
Лужайки Монаки,
Увлекая друг друга,
Идут и собираются
Молодцы и девицы.
Там, где водят хороводы,
Я пристану к супруге чужой,
А с моею женой
Говорят пусть другие —
Ведь это обычай,
За который и боги,
Владыки данной горы,
Не осуждали издревле.
Только в этот ты день
Не смотри на милую
И за речи ей не пеняй
—
На «Бога-Самца»
Тучи взобрались
И брызнул дождик.
Хотя бы промокнув до нитки,
Разве смогу я вернуться.*

(Маньёсю, 9-я кн.)

На этих собраниях мужчины и женщины (как девушки, так и замужние) танцевали вместе и изливали песнями свои чувства; мужчины соревновались друг с другом в песнях за право обладания одной и той же женщиной; затем пары объединялись, строили временные палатки, видимо, обносившиеся плетнем из сучьев валежника (т[ак] наз[ываемые] *сибагаки* или *кумигаки*), и жили в них некоторое время.

Мой коллега, китаец Гуань Энь-фу, сообщил мне, что обычай подобных хороводов наблюдается также в некоторых кланах племени мяо Южного Китая, по окончании которых сговорившиеся пары тоже обносились плетнями, чтобы оградить себя от непрошенных гостей.

Исходя из этого можно бы предположить, что слагаемое *каки* в слове *утагаки* первоначально имело в виду именно такие «плетни», но связь между понятиями при таком толковании становится более натянутой, поэтому я продолжаю держаться своего первого толкования.

Утагаки древней Японии, подобно чукотским «танцам обмена», были общепринятым средством для заключения браков не только временных, но и постоянных. Девушки, по-видимому, пускали в них в ход все свои чары, чтобы только словить жениха; не добившуюся своей цели не считали за женщину и вообще с ней не считались, что и отразилось в поговорке того времени: «Не получившая брачного подарка во время хороводов на вершине Тукуба не является девушкой» (см.: Хитати Фудоки).

Массовые браки, вроде заключавшихся при *утагаки*, которые были приноровлены к определенным сезонам (преимущественно к периодам возрождения и увядания природы), мы можем рассматривать как пережиток физиологической привычки зарождать детей в определенные сезоны, которую человек унаследовал от своих человекообразных предков и которая до сих пор сказывается в увеличении зачатий в определенные времена года (Деникер. Человеческие расы. СПб., 1902, с. 142—143).

С развитием цивилизации и образованием крупных культурных центров значение *утагаки* для полового подбора постепенно угасает (хотя и не исчезает совершенно), экспромтная лирическая поэзия уступает место модным трафаретным куплетам, вся прежняя непосредственность и естественность «хороводов» сменяется искусственностью, прежняя декорация в виде глухих гор и темного леса с чистым воздухом заменяются пыльными улицами крупного центра, где *утагаки* превращаются в зрелище, привлекающее массу зрителей. (Таковы, например, столичные *утагаки* середины VIII в., описанные в Сёку-Нихонги.)

Пережитком старинных *утагаки* в совр. Японии являются, на мой взгляд, так называемые *ханами* (букв.: «смотрение цветов») и *момидзигари* («охота за красными листьями»).

Обычно в апреле, когда распускаются роскошные цветы сакуры, <...> мужчины и женщины всех возрастов, группами направляются в места цветения вишни, костюмируются для этой цели и под звуки сямисэна, подвинченные изрядной долей горячего сакэ, поют и танцуют. При этом замечается довольно свободное обращение мужчин с женщинами и обратно. В настоящее время полиция зорко следит, чтобы не было каких-либо нарушений общественной нравственности, но я уверен, что прежде такие *ханами* оканчивались соединением в пары.

Момидзигари, или пикники, предпринимаемые осенью, <...> по сравнению с весенними *ханами* носят гораздо более скромный характер, характер простой традиционности.

<...> в современной японской провинции <...> кое-где сохранились еще общие собрания мужчин и женщин, имеющие своей целью способствовать заключению браков.

Так например, в деревне Икэганэ пров. Микава (в уезде Нукада) ежегодно весной имеет место т. н. *о-яма* (*о-* — преф[икс] почти-т[ельности], *яма* «гора»). В определенный день все молодые люди деревни брачного возраста, принарядившись в лучшие одежды, отправляются в горы, где целый день проводят в песнях, играх и тан-

цах. В конце концов понравившиеся взаимно молодые люди предлагают друг другу руку и сердце, и родители их обязаны после этого дать согласие на брак. Не найти себе пары в этот день считается позором, и таких молодых людей, в особенности девушек, поднимают на смех. Поэтому родители уже заранее стараются потихоньку устроить сговор или под видом своих приемных детей подсылают молодых людей из других деревень, чтобы их дети смогли сговориться между собою и избежать позора. Без какого-нибудь обмана (вроде упомянутого выше) молодые люди других селений никак не могут проникнуть в эту компанию *о-яма*. Обещание, данное молодыми людьми друг другу, конечно, по тем или иным семейным обстоятельствам может и не иметь силы, но в большинстве случаев осенью того же года, после созревания риса, в день праздника Удзигами (главный бог деревни) устраиваются брачные церемонии (Кёдо кэнкю, т. 1, с. 345—346).

Вероятно, подобный же брачный характер имело первоначально и *ямаюки* «отправление на гору» в Фукуно-мати губ. Тояма (в уезде Тонами), бывающее на следующий день после праздника *ётака-мацури* (праздник «ночных соколов», под *ётака* «ночными соколами» обычно понимаются тайные проститутки, выходящие на промысел ночью), отличающегося в высшей степени непристойными песнями и поведением. В этот день мужчины и женщины города (*мати*) отправляются на близлежащую гору Анкё-дзан (или Ясуи-яма «Гора спокойной жизни»), где и проводят целый день (Сэй-но кэнкю, № 1, с. 30). Не имея более подробных данных относительно этого праздника, я все же беру на себя смелость предположить, что он совершался или весной, или осенью.

Просматривая все сказанное относительно *утагаки*, мы видим, что в древней Японии существовали определенные собрания мужчин и женщин на лоне природы, приноровленные к определенным сезонам и имевшие своею ближайшею целью сведение необраченных в пары, — собрания, где главная роль принадлежала, вероятно, женщине, старавшейся посредством танцев очаровать пленившего ее сердце самца. С другой же стороны, эти собрания были случаем для женатых «пристать к супруге чужой» и т[аким] о[бразом] завязать новые, м[ожет] б[ыть] весьма кратковременные, узы с иными женщинами, чем их жены.

<...> В древний период японской истории в брак между собою могли вступать все особи мужского и женского пола; исключение составляли только единоутробные братья и сестры, а также родители и их собственные дети; браки же между всеми остальными степенями родства не имели никакого ограничения.

Брак основывался на полигинических началах, причем жены не обязательно жили с мужем; большей частью они продолжали оставаться у своих родителей, куда по ночам являлся навещать их муж. Такой обычай, носивший название *цума-дои* (букв.: «спрашивание жены»), существовал по всей Японии вплоть до IX или X в., а на Рюкюском архипелаге <...> вплоть до весьма недавнего времени.

Судя по тому, что старинное слово *имо-сэ* обозначало как брата с сестрой, так и мужа с женой, можно бы, пожалуй, предположить, что в доисторический период, и даже в исторический в весьма ограниченных количественно социальных ячейках все браки за исключением браков между родителями и их собственными детьми разрешались естественным правом. Социальная антропология нам ясно показывает, что все наиболее отсталые в культурном отношении расы и народы наших дней, все без исключения запрещают и строго карают кровосмешение с родственниками по материнской линии, если семейной системой этих народов является матриархат, и с родственниками по отцу, если доминирует патриархальный уклад. Т[аким] о[бразом], я скорее склонен допустить, что в древнейший период японской истории существовала какая-то система кланов или родов, где было строго определено, какие кланы или роды могли вступать в брак друг с другом и какие нет, причем мужчины и женщины таких взаимобрачующихся ячеек называли друг друга братьями и сестрами в том смысле, как ребенок всех мужчин и женщин, являющихся к его родителям, называет дядями и тетями. Прав ли я в своем предположении, покажет будущее, но что данное предположение не является моей фантазией, подтверждается брачной системой австралийцев <...>

Весна и осень в Японии были периодами заключения официальных браков, так как едва ли существовали народы, насколько их знает история и социальная антропология, которые бы не имели официального брачного института; общепринятым средством для сведения пар были вышеназванные *утагаки*, где не только юноши соревновались друг с другом, чтобы заполучить жену, но и уже женатые искали себе новых пар. Их выбор мог пасть или на девушку, или на уже замужнюю женщину, так как последние едва ли были тесно связаны узами сохранения целомудрия с их мужьями, лишь иногда навещавшими их по ночам. Я лично допускаю, что в тот отдаленный период женщина — родоначальница семьи могла вступать в новые браки, как и ее муж, на тех же *утагаки*. Даже в современной Японии в тех местах, где число женщин, по-видимому, преобладает, жена не особенно считается с мужем, при малейшей коллизии бросает его и вновь выходит замуж. В пров. Иваки, например, жена в таких случаях, не говоря ни слова свекру или свекрови, убегала тайком к синтоистским священнослужителям, или *ямабуси*, рассчитывая таким образом получить развод, что называлось там *какэкоми* («прибег»). Однако если девушка впервые выходит замуж, то жених обязательно посылает деньги по своему состоянию на приданое, наз[ываемые] *энганэ* («деньги союза»), и ни в каком случае не дает развода, пока посланная им сумма не возвращена сполна (Набэда Миёси. Иваки си. Кн. 2, с. 50; Гампан сирё юсё. Т. 1. Фукусима, 1916). Тот же обычай несчитания с мужем распространен по всей Японии в случае, если последний является адаптированным зятем, *муко*, в качестве производителя.

Пережитков *утагаки* в глухой японской провинции до сих пор сохранилось более чем достаточно. Так, например по деревням в ок-

рестности села Хинокинай пров. Уго (уезд Сэмпоку) ежегодно осенью по окончании жатвы устраиваются т[ак] наз[ываемые] *ясара* (букв.: «восемь тарелок») или *нинава хадзуси* (букв.: «распускание веревок груза»), т. е. пир с сильным возлиянием, после которого все участвовавшие мужчины и женщины ложатся спать вместе (Хираока Сэнтаро. Нихон Фудзоку-но синкэнкю. Токио, 1909, с. 61). Относительно буддийского храма Макура-дэра («Храм подушек»), находящегося в местечке Комабаяси возле г. Котэ, получившего свое название от массы хранящихся в нем мужских и женских подушек, существует предание, что в старину 15 числа 9 лунного месяца сюда сходились окрестные мужчины и женщины и проводили здесь ночь. Только в эту ночь разрешалось паломникам выбирать себе компаньона по душе и встречать рассвет в объятиях друг друга (Кёдо кэнкю, 1, 632). Таков же, вероятно, был и *даки-мацури* («праздник объятий») в храме Тамааки-дзиндзя в деревне Итиномия пров. Кадзуса, на который фамилией Куроми некогда было пожертвовано несколько тё пахотной земли (Бō-Сō сирё дзокухэн, 5-я кн.).

Из данных примеров видно, что этот общий *actus propagationis* имеет отношение к земледельческим культам или по крайней мере к земледельческим работам, так как он имел место после созревания риса, когда приносятся благодарственные моления богам и буддам за дарованную пищу. Может быть, это первоначально имело магическую цель показать наглядно полное довольство, которое у народов в первобытной стадии культуры выливается в форму оргий с половыми излишествами, и массой зачатий обеспечить урожай злаков на следующий год.

Почему перестали рождаться красавицы¹

*Седьмого августа пятнадцатого года эры Тайсё,
остров Мияко, город Хирара, гостиница «Ятиё»*

Встретился с Мисима Ёсиаки, директором начальной школы Хисамацу, и Кэйё Муракими. Берем перекусить и втроем отправляемся в деревню Носаки. По пути туда видим старую могилу. Кэйё Мураками рассказывает:

«Эта могила — очень старая. Она принадлежит старинному дому Око Ниману из деревни Хирара, что в Нисисато. Давным-давно в этом доме родилась редкостная красавица. Люди звали ее Ниману-но обана удзяни-гама. Родители ей очень радовались и воспитывали с бережностью. Но вот случилось так, что она сблизилась с

¹ Текст печатается в переводе с публикации в сборнике «Луна и бессмертие» (Цуки то фуси. Токио: Хэйбонся, 1971). Легенда записана во время путешествия Н. А. Невского по южной части архипелага Рюкю. Помимо Мияко в эту группу островов Рюкю входят такие крупные острова, как Исигаки и Ириомотэ. Окинава располагается севернее, в центральной части архипелага.